Ислам, исламизм, экстремизм

DOI: 10.31857/S032150750024990-1

Действенная модель противостояния террористической опасности: успешный опыт Мавритании

© Жерлицына Н.А.^{a,b,c}, Мелконян Л.А.^{b,d}, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия

^c ORCID: 0000-0001-8647-9419; ns_inafr@mail.ru

^d ORCID: 0000-0003-0294-8076; melkonyan-la@rudn.ru

Резюме. В статье анализируются подходы властей Мавритании к борьбе с терроризмом. В то время как страны региона Сахеля страдают от кризиса, вызванного действиями джихадистских группировок, Мавритании удалось стать положительным исключением в этом плане. За последние 10 лет там не было крупных террористических атак, хотя в стране имеются существенные проблемы, делающие её уязвимой перед лицом экстремизма. Многочисленными проблемами Мавритании и популярностью там политического ислама попыталась воспользоваться террористическая группа «Аль-Каида в Исламском Магрибе» (АКИМ), с 2005 г. организовывавшая террористические атаки на территории страны и занимавшаяся вербовкой молодых мавританцев в ряды джихадистов. С приходом к власти в 2009 г. президента Мохаммеда ульд Абдель Азиза началось формирование новой антитеррористической стратегии, учитывавшей как алжирский опыт, так и мавританские реалии. Данная стратегия отличалась комплексным характером и включала как военные меры, так и «мягкие подходы». Среди военных мер следует отметить удачную военную реформу, затронувшую военное образование, повышение мобильности вооруженных сил и возможностей частей специального назначения. Кардинальному изменению подвергся и подход мавританских властей к внутренней религиозной и политической арене.

Ключевые слова: Мавритания, Сахель, этнокультурные противоречия, политический исламизм, радикализм, «Аль-Каида в Исламском Магрибе»

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 19-18-00155-П «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Жерлицына Н.А., Мелконян Л.А. Действенная модель противостояния террористической опасности: успешный опыт Мавритании. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 3. С. 46–54. DOI: 10.31857/S032150750024990-1

An Effective Model of Countering Terrorist Danger: Successful Experience of Mauritania

© Natalia A. Zherlitsyna^{a,b,c}, Lusine A. Melkonian^{b,d}, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia

^c ORCID: 0000-0001-8647-9419; ns_inafr@mail.ru

^d ORCID: 0000-0003-0294-8076; melkonyan-la@rudn.ru

Abstract. The article analyzes the approaches of the Mauritanian authorities to the fight against terrorism. While the countries of the Sahel region are suffering from a crisis caused by the actions of jihadist groups, Mauritania has become a positive exception in this regard. There have been no major terrorist attacks there in the last 10 years, although there are significant problems in the country that make it vulnerable to extremism. These are unresolved political issues, huge social and ethnic differences, and the weakness of the economy. The terrorist group Al-Qaeda in the Islamic Maghreb (AQIM), which has been organizing terrorist attacks in the country since 2005 and recruiting young Mauritians into the ranks of jihadists, tried to take advantage of the numerous problems of Mauritania and the popularity of political Islam there. The peak of terrorist activity in Mauritania was 2005–2011, when more than ten attacks were carried out. Since coming to power in 2009, President Mohamed Ould Abdel Aziz began the formation of a new anti-terrorist strategy that took into account both the Algerian experience and the Mauritanian realities. This strategy was complex in nature and included both military measures

and “soft approaches”. Among the military measures, a successful military reform should be noted, affecting military education, increasing the mobility of the armed forces and the capabilities of special forces units. The approach of the Mauritanian authorities to the internal religious and political arena has also undergone a radical change. In addition to offering dialogue to hardliners and the legalization of the Islamist Tevassul party, the approach aimed at involving the nomadic population of remote desert areas in the public space of Mauritania has fully justified itself.

Keywords: Mauritania, Sahel, ethnic and cultural contradictions, political Islamism, radicalism, Al-Qaeda in the Islamic Maghreb

For citation: Zherlitsyna N.A., Melkonyan L.A. An Effective Model of Countering Terrorist Danger: Successful Experience of Mauritania. *Asia and Africa today*. 2023. № 3. Pp. 46–54. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024990-1

ВВЕДЕНИЕ

Последние десять лет в Сахеле развивается многофакторный кризис: слабость государств региона способствует экономическому коллапсу, гуманитарной катастрофе, обострению террористической угрозы и миграционной напряженности. Сложный характер этого кризиса лишь усугубляется со временем, превращая территории Мали, Буркина-Фасо, Нигера и Чада в неуправляемое пространство, находящееся во власти сил транснациональной преступности и глобального радикализма. Для соседних африканских стран и Европы в целом такая ситуация чревата ростом политической нестабильности, снижением безопасности и крупномасштабной нерегулируемой миграцией.

Самой стабильной из стран региона является Мавритания. Но сегодняшнее относительное благополучие далось стране непросто, всё еще остается немало важных нерешенных политических вопросов. Среди населения существуют огромные социальные и этнические разногласия, проблема рабства не решена полностью. Недостаточная занятость молодежи представляет собой огромную проблему, а экономика уязвима для внешних и внутренних потрясений.

СЛОЖНАЯ ВНУТРЕННЯЯ СИТУАЦИЯ

Мавритания – в основном пустынная страна, примерно 90% территории которой находится в пределах Сахары. Соответственно, население сосредоточено на юге, где уровень осадков несколько выше. На атлантическом побережье в столице Нуакшот проживает треть населения. В макроэкономическом плане дела в стране идут не так уж плохо: валовой национальный доход на душу населения составил \$1723 в 2021 г. Это самый высокий показатель среди стран Сахеля, и он основан на богатстве природных ресурсов страны, особенно в горнодобывающем секторе, в котором наблюдается рост в течение последних несколько лет благодаря периоду высоких международных цен на сырьевые товары. Мавритания является одним из ведущих африканских экспортеров железной руды, а также экспортирует золото и медь. Это одна из новейших газодобывающих стран Африки, обладающая значительными запасами природного газа на шельфе. Прибрежные воды и океанская территория страны также располагают одними из самых богатых рыбных запасов в мире.

Несмотря на несколько лет экономического роста, уровень бедности в Мавритании остается высоким, особенно в сельских районах из-за низкой производительности в сельскохозяйственном секторе. Как результат, страна занимает 157-е место из 189 стран по Индексу человеческого развития ООН. Другие препятствия на пути сокращения масштабов нищеты включают отсутствие отраслей, требующих большого человеческого капитала, проблемы управления, низкое качество государственных услуг и высокую уязвимость к внешним потрясениям. Большинство населения заняты либо в сельском хозяйстве, либо в рыболовстве.

Более-менее благополучные показатели развития не отражают всей сложности внутренней ситуации в Мавритании. Страна не только живет в нестабильном соседстве, но и в ней самой существует заметное разделение. Мавритания – одна из двух исламских республик в Африке; её население, а это 4,79 млн человек, в подавляющем большинстве исповедует ислам, но оно резко делится на 3 различные этнокультурные группы [1, p. 23].

Доминирующая группа как политически, так и экономически состоит из арабо-берберских или мавританских племен, которые исторически вели кочевой образ жизни в северной, центральной и восточ-

ной частях страны. Называемые «бидхан», что означает «белый» или «светлокожий», они составляют менее трети населения страны, но доминируют в экономическом и политическом плане. Это потомки арабских племен, которые мигрировали с Аравийского полуострова и расселились на обширных территориях Северо-Западной Африки.

Вторая группа – *харатины*, вероятно, самая многочисленная в стране, состоит из освобожденных (или всё еще находящихся в рабстве) потомков чернокожих африканцев, поработанных бидхан. Отношения между харатинами и бидхан сложны, поскольку харатины разделяют тот же язык, арабо-мусульманскую культуру и социальную организацию, что и их бывшие хозяева – бидхан. Ситуация неуклонно осложняется с конца 1970-х гг., с появлением политического движения харатинов под названием «Эль-Хор» («Свободный человек»). Возникновение этого движения стало результатом превращения харатинов в автономную политическую и социальную силу. Самый важный вопрос для харатинов – борьба с сохранением рабства, но их организации также требуют политического пространства, соответствующего их фактическому демографическому весу. За прошедшие десятилетия был достигнут определенный прогресс в борьбе с формальным рабством, но харатины по-прежнему в целом остаются экономическим низшим классом, который далек от того, чтобы быть полностью представленным в местной и национальной политике.

Третья этнокультурная группа в стране – это западноафриканцы или чернокожие мавританцы. Эта группа составляет около 30% населения и включает 4 чернокожие этнические группы: *бамбара*, *халпулаар* (фульбе), *сонинке* и *волоф*. История Мавритании после обретения независимости отмечена неоднократными попытками этой группы утвердить свою неарабскую идентичность и претендовать на более справедливую долю политической и экономической власти. Её требования были встречены государством, в котором доминируют бидхан, сочетанием репрессий и некоторой кооптации.

Напряженность, создаваемая разногласиями между этими этнокультурными группами, используется исламистскими радикалами в регионе. В рядах таких групп, как «Аль-Каида в Исламском Магрибе» (АКИМ) и «Аль-Мурабитун», есть мавританцы. Сочетание усугубляющихся экономических трудностей и напряженности между тремя доминирующими этнокультурными группами Мавритании может легко привести к увеличению вербовки ущемленной части мавританской молодежи в эти группы. Особенно подвержены риску те, кто находится на нижних ступенях общества, поскольку одно из преимуществ радикальных групп, вдохновляемых салафитами, – их кредо быть «рабами Бога», то есть они предлагают эгалитарный проект, в котором прошлое социальное положение (особенно связанное с рабством) не является проблемой. Таким образом, очевидно, необходимо серьезно отнестись к коммунике АКИМ от 8 мая 2018 г., где она недвусмысленно упомянула Мавританию в числе стран, на которые она подстрекала нападать своих членов и сторонников [2].

Этнокультурные разногласия и расовые проблемы были и остаются составной частью политического ландшафта Мавритании. В 1989 г. правящий режим воспользовался пограничным спором с соседним Сенегалом для дальнейшей маргинализации чернокожих мавританцев. Целью властей была арабизация Мавритании. Многие из чернокожих мавританцев подверглись этнической чистке, арестам и широкомасштабным депортациям в Сенегал и Мали в период с 1989 по 1992 г. Точное число депортированных никогда не будет известно, но Верховный комиссар ООН по делам беженцев сообщил, что к 1991 г. около 53 тыс. мавританцев проживали в Сенегале и по меньшей мере 13 тыс. – в Мали [3, р. 79]. Эта политика угнетения по этническому признаку продолжалась все 1990-е гг. и привела страну к политическому тупику в начале 2000-х гг., ознаменовавшись несколькими попытками государственных переворотов. Всё первое десятилетие XXI в. бидханская правящая элита пыталась сохранить и защитить свое привилегированное положение, сочетая политику угнетения с элементами официальной открытости, позволяя оппозиции выставлять кандидатов на выборах.

ИСТОРИЯ РАДИКАЛИЗМА В МАВРИТАНИИ

Первое десятилетие XXI в. было временем распространения активности исламистских радикальных группировок в Северной Африке, и политическая хрупкость Мавритании стала фактором, привлечшим внимание лидера алжирской террористической «Салафитской группы проповеди и борьбы» (*GSPC*) М.Бельмохтара. В июне 2005 г. *GSPC* провела свой первый крупный рейд за пределами Алжира. Подразделение, возглавляемое Бельмохтаром, атаковало мавританский военный аванпост в Лемгейти, в се-

веро-восточной пустыне. В нём приняли участие до 150 бойцов *GSPC*, и около пятнадцати мавританских солдат были убиты. Бельмохтар объяснил нападение на Лемгейти как ответ на признание Мавританией Израиля в 1999 г. и её готовность сотрудничать с США в борьбе с терроризмом [4, pp. 3–4].

Активность исламистов в начале 2000-х гг. не была неожиданной для Мавритании. Там уже с 1970-х гг. наблюдался всплеск исламизма, а также других форм религиозной активности. Тренд на рост значения религии в общественной жизни задавала быстро растущая столица Мавритании – Нуакшот, где усиливалась религиозность в жизни мусульман [5, p. 58]. Активисты представляли различные течения, особенно политический исламизм в стиле «Братьев-мусульман» и теологический буквализм салафизма. Эти течения имели смешанные корни, отражая влияние мавританских студентов, возвращающихся домой из стран Персидского залива, но также авторитет мавританских улемов-реформаторов, получивших местное образование, таких как Будда Ульд аль-Бусайри (1920–2009) [6, p. 314]. Исламисты декларировали заинтересованность в более глубокой «исламизации» мавританского государства, в том числе путем применения шариата в своем понимании. Они не были джихадистами и предполагали действовать на политической арене Мавритании, а не свергать государственную власть. С помощью ряда организаций и политических партий исламисты стремились оказать давление на государство, изменить общество и конкурировать на выборах. Они заявляли приверженность демократии, считая себя подобными исламистским партиям в Марокко и Турции. К 1990-м гг. появилось несколько сторонников жесткой линии. Общая нестабильность в Мавритании тех лет отразилась и на исламистах: периоды относительной открытости, когда кандидаты-исламисты могли участвовать в выборах как независимые или баллотироваться по спискам оппозиционных партий, чередовались с репрессиями со стороны властей [7, с. 59].

Во второй половине 2000-х гг. *GSPC* и её преемнице АКИМ удалось добиться определенных успехов в вербовке мавританцев. Одним из самых известных мавританских джихадистов был Хадим Ульд Семан, который стал лицом небольшого и ультражесткого мавританского джихадистского электората. Он организовывал ячейки джихадистов в Сенегале и Мавритании по указанию Бельмохтара. Другим молодым мавританцем, который пошел по аналогичному пути, был Сиди Ульд Сидна. Важным представляется то обоснование, которое эти мавританцы приводили, объясняя свою приверженность радикалам. Они указывали на политику властей, подразумевающую репрессии и жестокие методы расправы с инакомыслящими. Действительно, *Amnesty International* подтверждает, что в период с 2003 по 2008 г. власти Мавритании практиковали жестокие пытки в отношении исламистов, подвергая заключенных, подозреваемых в джихадизме, электрошоку, ожогам от сигарет, избиениям, лишению сна, сексуальному насилию [8, p. 37]. Тот факт, что недовольство джихадистов основывалось на государственной политике, косвенно означал, что у государства была возможность подорвать вербовку джихадистов, изменив свою политику.

С 2005 по 2009 г. АКИМ совершила в отношении Мавритании более десятка террористических атак. Тем не менее даже на пике нападений в Мавритании АКИМ привлекала относительно небольшое число мавританцев по сравнению с большим числом малийцев, примкнувших к радикалам. И среди мавританских боевиков так и не появился лидер – человек, способный объединить различные группы в сильную джихадистскую коалицию. Возглавляемые мавританцами ячейки внутри страны отличались непрофессионализмом и существовали недолго, быстро ликвидируемые властями. Даже Хадиму Ульд Семану, организовавшему в 2007 г. местный филиал АКИМ – «Сторонники Бога, Стражи на Земле Мавритании», удалось в конечном счете осуществить только одно нападение – обстрел израильского посольства в Нуакшоте и близлежащего ночного клуба в феврале 2008 г., после которого джихадист был арестован [9].

Сдерживающим фактором распространения идей джихадизма в Мавритании стало базирование сторонников АКИМ непосредственно в столице, Нуакшоте. В отличие от возможностей для передвижения, предоставляемых пустыней, конспиративные квартиры в Нуакшоте были особенно уязвимы для обнаружения и рейдов со стороны властей. Джихадисты, похоже, не завоевали доверия критической массы пассивных сторонников, которые могли бы помочь им избежать обнаружения. По мере задержания лидеров, вербовка, способность ячеек принимать и направлять новобранцев рушилась. Немаловажным обстоятельством, препятствовавшим распространению популярности АКИМ в Мавритании, стала и позиция официальных представителей ислама. Местные улемы не поддержали АКИМ, тем самым уменьшив шансы джихадистов на создание крупной коалиции [10, p. 102]. К 2011 г. поколения моложе

Ульда Семана и Ульда Сидны, по-видимому, начали терять интерес к джихадизму. Наконец, некоторые действия АКИМ привели мавританцев в ужас и вызвали негативную реакцию. Например, в 2008 г. боевики обезглавили двенадцать захваченных мавританских солдат. Таким образом, АКИМ не смогла найти в Мавритании реальной политической опоры. Хотя разрозненные столкновения между мавританскими военными и АКИМ продолжались до лета 2011 г., тем не менее это было начало конца усилий АКИМ по вовлечению Мавритании в хаос джихадизма.

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РАДИКАЛИЗМУ

Правление президента Мохаммеда ульд Абдель Азиза (2009–2019), выходца из военной элиты страны, не только принесло Мавритании десятилетие относительной стабильности, но ему также удалось осуществить безболезненный трансфер власти, передав бразды правления следующему президенту, Мухаммеду ульд аш-Шейху аль-Газуани, в 2019 г. Абдель Азиз и его министр обороны и нынешний президент генерал аль-Газуани наметили и претворили в жизнь многостороннюю стратегию борьбы с АКИМ. Эта стратегия во многом опиралась на алжирский опыт взаимодействия с радикалами, когда исламистов поощряли отказаться от терроризма и реинтегрироваться в общество [11, р. 162]. Но ряд её положений был нов и отражал мавританскую специфику.

Новая стратегия потребовала осуществления самых крупных военных реформ в истории Мавритании. Перестройка вооруженных сил началась с улучшения инфраструктуры и качества жизни солдат. Первые символические меры предусматривали восстановление солдатских казарм, введение новой формы и повышение заработной платы и компенсаций для всего военного персонала. По существу, процесс военной модернизации начал материализовываться с существенным увеличением военного бюджета, что позволило ускорить военную подготовку, закупку новых вооружений, материальных средств и создание сил специального назначения. Помимо увеличения военного бюджета, который с 2008 по 2018 г. вырос в четыре раза (до \$160 млн.), был осуществлен стратегический выбор приоритетов в области военных закупок. Вместо дорогостоящей военной техники, которую она едва ли могла себе позволить, Мавритания выступала за структурные реформы и приобретение оборудования, соответствующего её потребностям и возможностям. Чтобы увеличить свои военно-воздушные мощности, официальные лица выбрали бразильские легкие военные самолеты *EMB-314 Super Tucano*, предназначенные для полетов в условиях высокой температуры и влажности и пересеченной местности, такой как мавританская пустыня. Для военно-морского флота закупили новые и подержанные суда у Испании, Китая и ЕС для патрулирования 754 км береговой линии [12]. Сухопутные войска Мавритании были оснащены современными пикапами.

Правительство также инвестировало в профессиональное военное образование, которое долгое время находилось в состоянии застоя. Оборонным учебным заведениям страны необходимо было адаптироваться, чтобы выпускать офицеров и командиров, способных противостоять асимметричным угрозам. С этой целью Мавритания заключила несколько двусторонних и многосторонних договоров о партнерстве. В частности, Франция оказала поддержку в обучении методам принятия оперативных решений и технике командос. США как член Транссахарского партнерства по борьбе с терроризмом также оказали поддержку в укреплении сферы безопасности. В 2012 г. Мавритания обратилась с просьбой об участии в программе НАТО по улучшению оборонного образования для реформирования своего профессионального военного образования.

Реформа затронула и структуру мавританских вооруженных сил, которая до этого была слишком громоздкой, неповоротливой и приспособленной к устаревшим тактикам. Классическая организация подразделений плохо подходила для борьбы с более мелкими и проворными воинствующими исламистскими группировками и организованными преступниками, бродящими по пустыне. Задача разработки успешной контртеррористической стратегии выпала на долю военного министра аль-Газуани. Под его руководством были созданы восемь Специальных групп вмешательства (*GSI*) – небольших универсальных воинских подразделений. Чтобы усилить групповую сплоченность и мотивацию, каждое такое подразделение командос создается примерно из 200 человек, которые служили вместе в течение нескольких лет. Важно отметить, что эти боевые группы были хорошо оснащены транспортными средствами и снабжались топливом, водой и боеприпасами для проведения независимых контртеррористических операций, которые могут длиться несколько дней в отдаленной пустыне. С 2015 г. вновь по-

строенная база в Лемрее служит штаб-квартирой и оперативным центром *GSI*. Стратегическое расположение Лемреи рядом с границами Мавритании, Мали и Алжира способствовало преобразению этого пустынного района, который когда-то служил тыловой базой для воинствующих исламистских группировок и торговцев людьми [13, р. 822].

Для успеха военной реформы и борьбы с АКИМ большое значение имела усиленная поддержка наземных операций с воздуха. Мавританские летчики не имели таких возможностей, как их коллеги из алжирских и марокканских ВВС, для обеспечения непосредственной воздушной поддержки, наблюдения и разведки. Тем не менее с 2011 г. военно-воздушные силы Мавритании, оснащенные самолетами наблюдения *Cessna*, предоставленными США, и вооруженные бразильскими *Super Tucanos* и несколькими китайскими штурмовыми вертолетами, обладают достаточными возможностями для обнаружения подозрительных транспортных средств и руководства *GSI* на земле. Действительно, в 2011 г. мавританская авиация продемонстрировала способность наносить удары по предполагаемым позициям АКИМ в лесу Вагаду через границу в Мали.

Как известно, разведка также играет решающую роль в контртеррористических операциях. При администрации Абдель Азиза бюджеты разведывательных служб увеличились, а их возможности расширились. Усилия властей были направлены на развитие как разведывательных сетей на местах, так и технических возможностей разведки. Они варьировались от эффективного обновления основных существующих возможностей и активов, таких как мавританская военная группа кочевников (*GN*) – подразделения, несущего службу на верблюдах и предназначенного для работы в труднодоступных районах пустыни, – до приобретения современных радаров наблюдения.

Еще в 2008 г. северная часть страны была объявлена военной зоной. Для любого передвижения людей и транспортных средств требовался документ, удостоверяющий личность, и это помогало идентифицировать и досматривать любую колонну транспортных средств, въезжающую в этот район. К 2010 г. мавританские власти пришли к выводу, что им необходимо вступить в бой в Мали, откуда высококомобильные подразделения джихадистов неоднократно пересекали границу и устраивали засады на мавританских солдат. В 2010 и 2011 гг. мавританские военные предприняли наступательные действия против АКИМ вдоль границы и на сопредельной территории Мали. Мавритания и Мали проводили совместное патрулирование в районе Тимбукту. Однако нарастающий хаос в соседней стране разрушил надежды мавританских властей на действенность «регионального подхода» [14, с. 107].

МЯГКИЙ ПОДХОД К НОРМАЛИЗАЦИИ СИТУАЦИИ

Важнейшим компонентом антитеррористического подхода мавританских властей стала стратегия вовлечения местных общин и племен, проживающих на заброшенных окраинах Мавритании и зачастую используемых террористами, в жизнь страны. В отдаленных районах, таких как Нбейкет-Лахвач, Термесса, Бурат и Чами, были созданы новые поселения. Цель состояла в том, чтобы перегруппировать жителей, разбросанных по обширной территории, и предоставить им минимальные базовые услуги: воду и электричество, школы, медицинские центры, дороги и подключение к сети мобильной телефонной связи. Тем самым включить эти районы в общественное пространство Мавритании и сделать их непривлекательными для боевиков. Правительство не пыталось искоренить кочевой образ жизни – мужчины продолжают вести полукочевой образ жизни вместе со своими стадами, в то время как их семьи оседают в одном месте, пользуясь услугами образования и другими основными удобствами. Необходимо было создать обороняемые позиции в непосредственной близости от малийской границы. В уязвимых районах, где уже существуют поселения, политика предусматривала повышение безопасности и улучшение условий жизни населения, чтобы удержать его там [15, с. 66].

Как стратегически важный шаг правительства Мавритании следует оценивать выработку не только военных, но и мирных методов, направленных на борьбу с террором. Власти разработали «Национальную стратегию борьбы с терроризмом», которая предполагала «мягкий подход». В ней справедливо указывалось, что причинами экстремизма являются социальная несправедливость, бедность, отсутствие доступа к образованию, безработица. Были предложены различные меры – от кампаний по повышению осведомленности до программ трудоустройства, чтобы подорвать вербовку АКИМ. В январе 2010 г. правительство Мавритании приняло новый закон о борьбе с терроризмом. Почти сразу же власти привлекли крупных исламских ученых для проведения диалога с заключенными джихадистами, по-

дозреваемыми в джихадизме, и салафитами – сторонниками жесткой линии. Диалог был направлен на то, чтобы убедить эти категории граждан отказаться от насилия. Несмотря на наличие непримиримых, ученые, поддерживающие правительство, говорили, что диалог «увенчался успехом, положительный показатель составляет 90%» [16, р. 64]. Для раскаявшихся джихадистов была предусмотрена президентская амнистия и освобождение из тюрьмы. Правительство предоставило микрокредиты каждому из помилованных заключенных, чтобы они могли начать свое собственное дело, приносящее доход, например такое, как ремонт и продажа автомобилей. Те же, кто отказался от диалога, остались в тюрьме с нависшими над ними смертными приговорами. Использование этой меры позволило не только снизить число потенциальных джихадистов, но и подорвало все усилия АКИМ по созданию мавританской коалиции.

Кардинальному изменению подвергся и подход мавританских властей к внутренней религиозной и политической арене. Помимо предложения диалога сторонникам жесткой линии и большей сдержанности в применении пыток, власти также переосмыслили свои позиции в отношении религиозно-политической активности. Показателем стала легализация «Тевассул», основной исламистской политической партии. «Тевассул» получила возможность участвовать в выборах, кандидат в президенты от «Тевассул» занял четвертое место в 2009 г., а партия получила второй результат на парламентских выборах 2018 г. Для контроля деятельности *махадр* – коранических школ – была проведена их перепись. В соответствии с правительственной программой выпускникам махадр гарантировалась работа в государственном секторе, чтобы не допустить ухода этих молодых мусульман к экстремистам [17, р. 16].

Новый общественный договор, подчеркивая традицию терпимости ислама, позволил религиозным деятелям (улемам), склонным к крайним взглядам, высказываться по спорным вопросам при условии, что они остаются в рамках определенных красных линий, продиктованных режимом. Например, улем Мохаммед Салем Ульд Мохаммед Лемин, также известный как аль-Маджлиси, положительно отзывался о джихаде против иностранной оккупации, но критиковал попытки джихадистов свергнуть мусульманские правительства и осудил ИГИЛ. Что касается политики Мавритании, то аль-Маджлиси позиционирует себя как принципиальный, лояльный оппозиционер [18, р. 9]. Сочетая политику кнута и пряника, правительство в критические моменты не отказывается от репрессий по отношению к исламистам. Так, в преддверии президентских выборов 2019 г. Абдель Азиз закрыл Центр подготовки исламских ученых, обвинив его в пропаганде радикализма. Правительственные сторонники такого сочетания принуждения и кооптации утверждали, что оно способствует разрушению идеологии жестких сторонников джихадизма, оставляя их без духовных наставников. Как сказал один из мавританских улемов: «У джихадистов в Мавритании нет головы» [19]. Тем не менее остается открытым вопрос, в какой степени умеренность служителей ислама носит временный и тактический характер.

Тонкая и расчетливая политика мавританских властей на внутренней религиозно-политической арене сочетается со сдержанностью в отношении внешних вмешательств. Ключевой пример такого подхода имел место во время военной интервенции под руководством Франции в 2013 г. на севере Мали против коалиции джихадистов и сепаратистов-туарегов [20, с. 67]. Кампания, получившая название операция «Серваль», оказалась главным источником общественных дебатов в Мавритании. Тридцать девять представителей клерикальной оппозиции выпустили фетву, осуждающую интервенцию Франции в регионе как неокOLONIALISTскую. Улемы призвали граждан Мавритании проявить солидарность со своими братьями в Мали. К улемам присоединилась исламистская партия «Тавассул». Хотя мавританское правительство ранее совершало вмешательство в Мали в 2010 и 2011 гг. для преследования АКИМ, оно приняло решение не присоединиться к операции «Серваль» в 2013 г. [21, р. 18]. Вместо этого власти Мавритании сосредоточились на укреплении границы с Мали протяженностью 2237 км, то есть предпочли политику оборонительного сдерживания, аналогичную той, которую проводит Алжир.

Такие же гибкие подходы отличают и позицию властей в отношении мавританских СМИ. Правительство Мавритании разрешило им служить каналами распространения сообщений джихадистов. СМИ Мавритании неоднократно предоставляли региональным джихадистским группам платформы для публикации заявлений и коммюнике, в то же время предлагая эксклюзивные репортажи и аналитические материалы, которые ценны для исследователей борьбы с терроризмом. Сами информационные агентства называют наличие такого рода контента доказательством своей независимости и непредвзятости, а также свидетельством внимания к этому вопросу [22, р. 176].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, стратегия властей Мавритании в борьбе с вооруженным исламистским радикализмом, избранная ими 10 лет назад, оказалась на редкость действенной: в течение последнего десятилетия на территории Мавритании не было крупных террористических актов – прекрасный результат, учитывая волну насилия, сотрясавшую страну с 2005 по 2011 г. Несмотря на изначально очень слабые позиции – бедность, расовую напряженность, иерархичное и трайбализированное общество – президенту Абдель Азизу и его министру обороны и преемнику аль-Газуани определенно удалось обуздать джихадистское насилие в Мавритании.

Мавританский случай дает и более общий урок: имея дело с джихадистскими движениями, государства должны заключать свои собственные, местные политические соглашения, которые сдерживают насилие, не вызывая недовольства. Полностью оправдал себя и подход, ориентированный на население.

Однако общий успех Мавритании еще не означает, что она одержала окончательную победу над терроризмом. Достижения в области безопасности хрупки и обратимы. Для их поддержания требуется улучшение политического и экономического управления, а также совершенствование регионального сотрудничества. Продолжающиеся усилия нынешней администрации по повышению военной сплоченности, обеспечению безопасности и управлению людскими и финансовыми ресурсами вооруженных сил будут по-прежнему иметь решающее значение для дальнейшего успеха Мавритании в борьбе с террористическими угрозами.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Marchesin Ph. 1992. Tribus, Ethnies et Pouvoir et Mauritanie. Paris: Karthala. 437 p.
2. Guichaoua Y., Héni N. Comment le djihad armé se diffuse au Sahel. *The Conversation*. 2019. February 24.
3. Jourde C. Constructing Representations of the 'Global War on Terror' in the Islamic Republic of Mauritania. *Journal of Contemporary African Studies*. 2007. № 25 (1). Pp. 77–100.
4. Chelin R. From the Islamic State of Algeria to the Economic Caliphate of the Sahel: The Transformation of Al Qaeda in the Islamic Maghreb. *Terrorism and Political Violence*. 2018. № 32 (6). Pp. 1–20.
5. Elemine M. Negotiating Islamic Revival: Public Religiosity in Nouakchott City. *Islamic Africa*. 2014. № 5(1). Pp. 45–82.
6. Cavatorta F., Garcia R. Islamism in Mauritania and the Narrative of Political Moderation. *Journal of Modern African Studies*. 2017. № 55 (2). Pp. 301–325.
7. Гришина Н.В. Мавритания: эволюция политических структур. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2021. № 3 (56). С. 56–65. DOI: 10.31132/2412-5717-2021-56-3-56-65
8. Grishina N.V. 2021. Mauritania: the evolution of political structures. *Journal of the Institute for African Studies*. № 3(56). Pp. 56–65. (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2021-56-3-56-65
8. Jihadism in Africa: Local Causes, Regional Expansion, International Alliances. Edited by Steinberg G., Weber A. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2015. 104 p.
9. Simpson C. Debunking Mauritania's Islamist Militancy Mythology. *IRIN / The New Humanitarian*. 2016. August 23. www.thenewhumanitarian.org/analysis/2016/08/23/debunking-mauritania-s-islamist-militancy-mythology
10. Vium Ch. The phantom menace: fear, rumours and the elusive presence of AQIM in South-Eastern Mauritania. In Post-Gaddafi repercussions in the Sahel and West Africa. *Strategic Review for Southern Africa*. 2013. Vol. 35. № 2. Pp. 92–116.
11. Rahmane I. The Politics of Islam in the Sahel: Between Persuasion and Violence. New York: Routledge, 2017. 292 p.
12. Mauritania's Goals in Its Struggle against al-Qaeda. Al Jazeera Center for Studies. 2011. July 25.
13. Lounnas D. Confronting al-Qa'ida in the Islamic Maghrib in the Sahel: Algeria and the Malian crisis. *Journal of North African Studies*. 2014. № 19 (5). Pp. 810–827.
14. Исаев Л.М., Коротаев А.В., Бобарыкина Д.А. Влияние «Арабской весны» на «Черную весну» в Буркина-Фасо. *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. 2022. № 1. С. 98–109.
14. Issaev L. M., Korotayev A.V., Bobarykina D.A. Impact of the Arab spring on the Black spring in Burkina Faso. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 13: Vostokovedenie*. 2022. № 1. Pp. 98–109. (In Russ.)
15. Ксенофонтова Н.А., Гришина Н.В. Страны Сахеля: опустынивание и меры противодействия. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 12. С. 64–67. DOI: 10.31857/S032150750007659-6
15. Ksenofontova N., Grishina N. The countries of the Sahel: desertification and countermeasures. *Asia and Africa today*. 2019. № 12. Pp. 64–67. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750007659-6
16. Zekeria Ould Ahmed S. Islamic Radicalisation in Mauritania. In *Islamist Radicalisation in North Africa: Politics and Process*. Ed. Joffe G. London, Routledge, 2012. 185 p.

17. Bencherif A. From resilience to fragmentation: Al-Qaeda in the Islamic Maghreb and jihadist group modularity. *Terrorism and Political Violence*. 2017. № 29 (6). Pp. 1–19.
18. Wehrey F. Control and Contain: Mauritania's Clerics and the Strategy Against Violent Extremism. Washington, Carnegie Endowment for International Peace Publications Department. 2019. 27 p.
19. Boukhars A. Keeping Terrorism at Bay in Mauritania. Africa center for strategic studies. 2020. June 16.
20. Долгов К.Д., Филиппов В.Р. Вмешательство «великих держав» во внутренние дела суверенных государств Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 10. С. 66–67.
Dolgov K., Filippov V. Intervention by the Great powers in the affairs of the sovereign states of Africa, the Middle East and Asia. *Asia and Africa today*. 2018. № 10. Pp. 66–67. (In Russ.)
21. Boeke S., Schuurman B. Operation Serval: A strategic analysis of the French intervention in Mali 2013–2014. *Journal of Strategic Studies*. 2015. № 28 (6). Pp. 1–25.
22. Tawil C. Brothers in Arms: The Story of al-Qa'ida and the Arab Jihadists. London: Saqi. 2011. 209 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Жерлицына Наталья Александровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН; Ученый секретарь Научного совета РАН по проблемам стран Африки; доцент РУДН, Москва, Россия.

Natalia A. Zherlitsina, PhD (History), Senior Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Academic Secretary, Research Council for the Problems of Africa, Russian Academy of Sciences; Associated Professor, RUDN University, Moscow, Russia.

Мелконян Лусине Арменовна, лаборант-исследователь, аспирант РУДН, Москва, Россия.

Lusine Melkonian A., Laboratory Researcher, post-graduate student, RUDN University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 31.10.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.01.2023

Принята к публикации
(Accepted) 27.02.2023